

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Я ЗЫКОМ ПРАВДЫ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Более двадцати лет работает в труппе Новосибирского областного театра драмы Галина Филипповна Ильина. А началась творческая биография актрисы в народном театре Дома культуры им. Ефремова. На самодеятельной сцене сыграла первые роли, сделавшие первые шаги навстречу искусству. Настойчиво овладевала она секретами профессии, стремилась быть близкой и понятной зрителям в новой роли, в самом незначительном эпизоде. Не все работы Г. Ильиной были равноценными. Но многие запомнились, отмечены прессой, оставили заметный след и в биографии самой актрисы, и в истории театра.

Уже лет десять, наверное, прошло, а зрители все еще с благодарностью вспоминают Нину Леонидовну — героиню Г. Ильиной в арбузовской комедии «В этом милом старом доме» (режиссер И. Хасин). Беспомощная, наивная и нелепая в своей житейской непрактичности и неприспособленности, она нередко вызывала смех зала. Ведь встречаются, как известно, «по одежке». А идеала она была очень смешно — в детском беретике или, может быть, даже панамке, в детских, и потому особенно нелепых, гольфах, и сама настолько «не от мира сего», что любой ее шаг в жизни действительно был неловок и вызывал не только добродушный смех, но и досаду — разве же можно быть такой неумехой? Можно — доказала Ильина. И, снижая внешнего комизма роли, сумела передать за этой неловкостью внутренне цельный и крепкий человеческий характер. Причем сделала это настолько ярко и убедительно, что по существу вывела свою Нину Леонидовну в главные героини спектакля, безоговорочно завоевав признание и симпатии зрителей.

Опыт работы над ролью арбузовской героини стал весьма значительным для творчества актрисы. Сегодня нет, пожалуй, в активе Г. Ильиной ролей, в которых бы не было столкновения между внешним и внутренним. Именно на конфликте внешней характерности и сущности образа строит она многомерное, многоплановое звучание характеров своих героинь. И они появляются на сцене живыми и сложными, противоречивыми и очень цельными одновременно.

В лучших эпизодах спектакля «Стеклянный зверинец» по драме Т. Уильямса поступки героини Г. Ильиной кажутся необъяснимыми с точки зрения здравого смысла, который она сама не устает проповедовать своим детям. А забывая беспрестанно и механически напоминать Тому о том, что «пичу нужно тщательно пережевывать», что Лауре «пора подумать о своем будущем», что в прохладную погоду необходим шерстяной шарф, и т. д. и т. п., Аманда Уингфилд вдруг превращается из усталой, сломленной невзгодами женщины в юную оживленную девушку, у которой вперед вся жизнь. И вместе с этим ощущением собственного обновления в душе ее поселяется надежда, что все устроится — Лаура, наконец, выйдет замуж. Том перестает метаться из стороны в сторону, образумится, сделает карьеру в обувном магазине. Подготовку к ужины, к которому Аманда ожидает в гости предполагаемого жениха дочери, Г. Ильина проводит с такой безоглядной верой в будущее своих детей, что предчувствие трагической развязки уже в эти, счастливые для нее минуты наполняет зрительный зал. И уже не осуждаем мы ее за глухоту и непонимание душевного состояния Лауры, за барьер, который выстроила она по отношению к Тому, мы начинаем не только понимать Аманду, но сочувствовать и сопереживать ее неудавшейся жизни.

К образу Аманды Г. Ильина приступила, уже сыграв роль матери в трагикомедии А. Соколовой «Фантазии Фарятьева» (режиссер В. Полницаев). Внутренняя переключка этих двух характеров несомненна. И в пьесе А. Соколовой перед нами женщина с явно неудавшейся судьбой, потерявшая душевную близость со своими взрослыми дочерьми — Александрой и Любовью — и стремящаяся по собственному вкусу и разумению устроить их будущее. И не случайно А. Соколова не дала ей имени. В программке просто обозначено — «Их мать». Только в семье, только по отношению к детям дается образ этой женщины, а Г. Ильина исполняет его с такой жизненной правдой, что создает характер типический. Актриса сумела показать творческую силу материнской любви, которая, вопреки установкам разума, способна наделять женщину нравственной силой и чуткостью, дарить счастьем даже в минуты поражения.

Спектакль «Фантазии Фарятьева» идет в областном театре драмы уже четвертый год. И неизменно при полном зале. И неизменно под бурные аплодисменты. За эти годы состав исполнителей сменился несколько раз. Роль младшей дочери — Любови — играет се-

годня молодая актриса А. Сосновская, введенная в спектакль после Т. Бисеровой и Х. Ивановой. Александрой и Фарятьева также играют другие актеры. Редко какой спектакль выдерживает такие изменения. А этот выдержал, сохранил чистоту премьерного звучания. Может быть, еще и потому, что ему помогала выступать «старожил» спектакля — актриса Г. Ильина. Ведь она так же, как и большинство ее героинь, при хрупкой внешности обладает большой внутренней силой, огромной работоспособностью и требовательностью к себе и своим партнерам.

Работоспособность актрисы, ее профессиональная честность и стремление сделать все возможное даже на самой маленькой площадке, которую занимают ее герои в общем здании спектакля, проявились

особенно четко в новой работе Г. Ильиной — образе Аграфены, бывшей мамы Лермонтова в спектакле «Заступница» (автор — Ю. Нагибин, режиссер И. Борисов).

Аграфена здесь не произносит ни одного слова. Автор рисует эту роль такими короткими ремарками — «входит, опасно покосившись на барыню», «глядит с испуганным недоумением», «Аграфена кивает», «Аграфена бросает на барыню укоризненный взгляд». Несмотря на такой чрезвычайный скупой материал, Г. Ильина выстраивает зрительно точный облик жертвы крепостного строя, не утратившей, однако, человечности и достоинства. Все в облике Аграфены как будто бы говорит о том, что это и не человек вовсе, а бессловесная тень своей хозяйки. Сгорбленная, испуганная, она и двигается-то абсолютно бесшумно, обутая лишь в грубые домотканые носки. Но не случайно именно ей читает стихи самолюбивая Елизавета Алексеевна Арсеньева, замечая при этом: «...стихи другим ухом слушают. Есть у тебя такое ухо, иначе б не стала читать». Есть у нее «такое ухо», когда, стараясь не пропустить ни звука, не слушает — внимает она раздумьям Арсеньевой о судьбе своего великого внука. И когда механически начинает стучать прялкой, если хозяйка сбивается с верного тона: начинает говорить о пустом и несбыточном.

Аграфена в исполнении Г. Ильиной вышла не сухим абстрактным примером из учебника истории XVIII века, а полнокровной человеческой личностью с живой болью сердца.

Говоря о творчестве любого из актеров Новосибирского областного театра драмы или о своеобразии любого спектакля этого коллектива, нельзя упускать из виду ту сценическую площадку, на которой они работают.

О, этот маленький зал! Эта миниатюрная сцена, вплотную приближенная к зрителям, — есть в них и очарование и даже поэзия. Поэзия зримого, почти физически ощутимого контакта сцены и зала. Самое значительное изменение позы, еле заметное движение души героев — все это в поле зрения любого и каждого зрителя. Но каким жестоким испытанием оборачивается порой очарование маленького театра для всех, кто делает спектакль. Как трудно художнику выстроить единый образный строй действия, когда глубины сцены, зеркала сцены, в обычном понимании, здесь вовсе не существует, а любая, самая незначительная перемена декораций в пределах одного акта осложнена до невозможности. Как

туго приходится режиссеру, разрабатывая сложный организм спектакля, постоянно приравниваясь к этой незначительной площадке, и к этим неменяющимся декорациям! А как тяжело работать актеру, постоянно помня о том, что ничего «слишком» на этой сцене невозможно, что ты весь на виду и нельзя расслабляться даже на секунду!

И вот эту маленькую сцену со всеми ее каверзами Г. Ильина очень любит. И даже слабости игровой площадки она признает достоинствами. Актриса считает, что это просто прекрасно, что не нужно форсировать звук и что каждое слово, произнесенное чуть слышно, с легкостью достигает последних рядов. Великолепно, что физически ощутимо каждое движение актера, а значит, полнее и убедительнее будет восприниматься сам герой. Хорошо и то, что любая натяжка и фальшь будут непременно замечены в зале, и, зная об этом, актер не может себе позволить работать спустя рукава. А самое главное — очень хорошо, что театру, наконец, повезло, и здесь стали работать режиссеры, ощущающие своеобразие театра и умеющие использовать его возможности в живом организме сценического действия.

С признательностью вспоминает Галина Филипповна работу в спектакле «Деньги для Марии» В. Распутина под руководством молодого режиссера В. Черняева. Эпизодическая роль Степаниды стала для нее одной из любимых.

С интересом работает она в спектаклях режиссера И. Борисова, возглавляющего коллектив театра драмы. Требования режиссера, чтобы актер не только выразил,

сделал доказательным и зримым строй мыслей и поступков героя, но и сумел донести свое отношение к образу, как нельзя лучше перекликается с личными профессиональными задачами, которые ставит перед собой Г. Ильина.

В спектакле по пьесе М. Рождина «Спешите делать добро» И. Борисов поручил Ильиной роль Филаретовой. Пожалуй, самую неприглядную в пьесе. У кого, скажите, может вызвать сочувствие эта женциналектор, не разговаривающая, а вещающая лозунгами. Застегнутая в мундир официальности, Филаретова — тоже «спешит делать добро», беспрерывно копясь в «грязном белье», видя за каждым поступком людей только пороковое своекорыстие. Она верит, что «здесь поставлена борьба». А так мы не построим». И ломает судьбы. Вот что актриса нам показывает. Показывает, как страшно, когда человек оказывается не на своем месте. Но вместе с тем она показывает драму этого человека. Ведь и самой Филаретовой и Г. Ильиной неуютно в этой роли, но что поделаешь — она же «поставлена». Вот и стремится хотя бы казаться сильной и всезнающей, хотя и слаба, и в своей собственной жизни не сумела вовремя разобраться, за что наказана одиночеством. И когда она рассказывает об этом сухим, беспристрастным голосом, каким читают сводки и отчеты, ее собеседница Зоя Мякишева и вместе с ней зал внутренне содрогнутая такая за всем этим невысказанная, невыплаканная боль...

Боль человеческих сердец отдается болью в сердце актера. Можно, конечно, пощадить себя, держать дистанцию между собой и выдуманной ведь, а не живыми героями. Но тогда никакая виртуозная техника не сможет «оживить» персонажи. Тогда и мы, зрители, не будем тайком утирать слезы, смеяться во весь голос, переживать неудачи и радоваться победам героев спектакля. Мы останемся равнодушны. А нет в театре ничего страшнее равнодушия зрительного зала. И когда спрашиваешь зрителей о том, почему им нравится Ильина (а зрители ее действительно любят!), они обычно отвечают — потому, что она любит своих героинь, заставляет и нас пристальнее в них всмотреться и задуматься над жизнью и над собой, говорит языком правды и человечности.

Н. ПУСТОВЕТОВА.

* * *

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Земля».

Наташа — Г. Ильина.

Фото Н. Соничевой.